

Д.А. Андреев*

**«НЕСОМНЕННО — БЕДА БЫСТРО НАДВИГАЕТСЯ»:
ОФИЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И СЛУХИ
О СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ АЛЕКСАНДРА III
ОСЕНЬЮ 1894 г.**

D.A. Andreev

**“UNDOUBTEDLY, DISASTER IS FAST APPROACHING”:
OFFICIAL INFORMATION AND RUMORS ABOUT
THE STATE OF HEALTH OF ALEXANDER III IN
THE FALL OF 1894**

Аннотация. Александр III был не первым российским императором, чей уход из жизни сопровождался особым «режимом секретности». Реконструкция и анализ информационного фона подобных событий может многое дать для понимания функционирования верховной власти и механизмов ее «транзита». В начале осени 1894 г. здоровье Александра III стало резко ухудшаться, в конце сентября царская семья переехала в свою крымскую резиденцию в Ливадии, где через месяц государь скончался. На протяжении всего этого времени общество переполнялось слухами о болезни царя, о ее возможном протекании и вероятном исходе. Между тем официальная информация о состоянии императора была крайне скудна. Специальные бюллетени стали выходить лишь за две недели до его кончины, причем они содержали довольно обтекаемые формулировки. Тем, кто их читал, оставалось выискивать какие-то скрытые намеки и на их основе реконструировать собственную «клиническую картину». К тому же в официальном «Правительственном вестнике» бюллетени публиковались с задержкой на сутки. Более оперативно они вывешивались в нескольких точках крупных городов, куда людям приходилось специально добираться. Но и там бюллетени обновлялись не в определенное время, а по мере их поступления из Ливадии. Такая нерегулярность усугубляла и без того усилившиеся в обществе настроения неопределенности и тревоги. Благодатной почвой для разного рода домыслов и предположений явилось

---

* Андреев Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Andreev Dmitry Aleksandrovich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Russian History of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+7-903-725-94-91; carpenter2005@yandex.ru

противостояние мнений в ближайшем окружении государя относительно того, как и насколько подробно следует транслировать за пределы крымской резиденции информацию о его болезни. Возникший информационный вакуум вселял растерянность даже в представителей высшей бюрократии, а также лиц, которые в силу своего положения обычно располагали эксклюзивными сведениями. Всё это способствовало появлению неправдоподобных версий об отношениях внутри императорской семьи и о якобы готовившихся сценариях престолонаследия. Эти версии впоследствии использовались для дискредитации самодержавия.

Ключевые слова: Александр III, императрица Мария Федоровна, наследник цесаревич Николай Александрович, министр императорского двора И.И. Воронцов-Дашков, обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, граф С.Д. Шереметев, Н.В. Султанов.

Abstract. Alexander III was not the first Russian Emperor whose death was accompanied by a special “regime of secrecy”. An overview and analysis of the information background of those events can contribute much to understanding how the supreme power and mechanisms of its “transit” functioned in that period. In the beginning of the fall of 1894, Emperor Alexander III’s health began to deteriorate sharply. In the end of September, the imperial family moved to their Crimean residence at Livadia, where Alexander died a month later. Throughout all this time, air was filled with rumors of the tsar’s disease, its possible course and outcome. Meanwhile, official information about his illness was poorly disseminated. Bulletins on this matter started to be published only two weeks before his death; moreover, they were elusive and it was rather difficult to understand what was really going on with Alexander. Some readers looked in them for hidden hints, mostly far-fetched, and reconstructed their own “clinical picture” on this basis. In addition, the bulletins appeared in the official *Pravitel’stvennyy Vestnik* with a one-day delay. They were more quickly posted up in public places, and everybody had to come there to find out the latest news about the tsar’s health. But even there, the bulletins were not updated at a certain time interval, but as they arrived from Livadia. This irregularity, even in the imperial capital, exacerbated the uncertainty and anxiety of the society. The clash of opposing opinions in the immediate environment of the tsar regarding how and how much information about his illness should be broadcast outside the Crimean residence provided fertile ground for all sorts of speculations and assumptions. Not only the general public, but also representatives of the highest bureaucracy, as well as those who, due to their position, usually possessed exclusive information, felt uncomfortable in the information vacuum. This “unhealthy” atmosphere contributed to the appearance of implausible rumors about the relations within the imperial family and scenarios of succession. All these versions were subsequently used to discredit the autocracy.

Keywords: Alexander III, Empress Maria Feodorovna, Heir Tsesarevich Nikolai Alexandrovich, Minister of Imperial Court I.I. Vorontsov-Dashkov, Chief Prosecutor of the Holy Synod K.P. Pobedonostsev, Count S.D. Sheremetev, N.V. Sultanov.

Обстоятельства последних недель жизни императора Александра III рассматривались исследователями и, в частности, автором настоящей статьи¹. Однако при анализе событий, предшествовавших последнему в истории самодержавной России транзиту верховной власти, до сих пор не уделялось должного внимания оценке их информационного фона — сложного переплетения скупых и предельно обтекаемых формулировок официальных бюллетеней, более или менее правдоподобных допущений и предположений, курсировавших в правительственных верхах, возникавших там тревог и опасений, вызванных недостаточной осведомленностью о состоянии здоровья государя и о том, насколько наследник цесаревич готов в случае крайней необходимости и тем более трагического исхода приступить к исполнению державной миссии, а также слухов и настроений общественности, прежде всего в обеих столицах. Между тем такой фон не просто во многом формировал психологическую атмосферу, в которой завершалось царствование Александра III, но и спровоцировал появление различных неправдоподобных версий, использовавшихся впоследствии для дискредитации самодержавия и распространения о нем заведомо порочащих мнений. Поэтому максимально возможная реконструкция подобного информационного фона крайне необходима для изучения истории власти как непосредственно осенью 1894 г., так и в более позднее время, когда актуализировались различные мифы, связанные с обстоятельствами вступления на престол Николая II.

Александр III скончался 20 октября 1894 г. в своей резиденции в Ливадии от тяжелого заболевания почек². Его здоровье стало резко ухудшаться в начале августа³, но первое официальное сообщение о

¹ *Боханов А.Н.* Александр III. М., 1998. С. 454–459; *Хрусталёв В.М.* Тайны на крови. Триумф и трагедии Дома Романовых. М., 2014. С. 73–112; *Зимин И.В., Лукичев Б.Г., Клечиков В.З.* История болезни и смерти императора Александра III // *Нефрология.* 2002. Т. 6. № 1. С. 101–107; *Медицина и императорская власть в России. Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX — начале XX века / Под ред. Г.Г. Онищенко.* М., 2008. С. 120–136; *Андреев Д.А.* Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // *Российская история.* 2011. № 4. С. 114–125; *Он же.* Было ли «политическое завещание» императора Александра III наследнику цесаревичу Николаю Александровичу? К постановке проблемы // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви.* 2019. Вып. 89. С. 97–114.

² *Зимин И.В., Лукичев Б.Г., Клечиков В.З.* Указ. соч. С. 106.

³ Н.А. Вельяминов, ставший в 1894 г., незадолго до обострения болезни Александра III, лейб-хирургом, позже вспоминал, что именно тогда или даже несколько раньше он узнал о том, что лейб-хирург Г.И. Гириш нашел у императора «признаки

состоянии царя появилось в «Правительственном вестнике» только спустя полтора месяца — 17 сентября.

Между тем слухи о том, что с императором происходит что-то неладное, стали появляться уже на рубеже августа и сентября. Соответствующие записи имеются в дневнике архитектора Н.В. Султанова. Он был достаточно информированным лицом благодаря близким отношениям с гр. С.Д. Шереметевым, вхожим в семью Александра III, и заказам от высокопоставленных лиц. Султанов лично знал и государь, утвердивший именно его проект собора Петра и Павла возле Ольгиного пруда в Петергофе. Первую тревожную запись архитектор сделал 1 сентября, когда Александр III находился еще в Беловеже на традиционной осенней охоте, а его недуг проявлялся уже довольно заметно (в тот день наследник Николай Александрович посетовал в дневнике: «Папа не обедал с нами из-за принятого лекарства»⁴). Султанов поделился тем, о чем, похоже, узнал впервые: «Сегодня я услышал из достоверного источника очень тяжелую весть: пронеси, Господи, великое народное горе!»⁵ Архитектор в это время находился в Москве, туда же из Беловежа 25 августа выехал лечивший царя врач Г.А. Захарьин: об этом сообщается в дневнике наследника⁶. Не исключено, что «достоверным источником» стал для Султанова либо сам Захарьин, либо кто-то, кому царский врач поведал о болезни своего державного пациента.

7 сентября о поразившем императора недуге сделала запись в своем дневнике хозяйка известного великосветского столичного салона А.В. Богданович, жена генерала Е.В. Богдановича. Она сообщила историю, которая не подтверждается другими источниками, что государь якобы на охоте в Беловеже принимал холодную ванну и это привело к резкому ухудшению его состояния⁷. Однако Богданович располагала и более достоверными сведениями. 14 сентября в царскую охотничью резиденцию в Спале, куда из Беловежа переехала императорская семья, прибыл немецкий врач Э. Лейден⁸, а 19 сентября Богданович

хронического поражения почек». См.: *Вельяминов Н.А. Встречи и знакомства // Российский Архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. V. М., 1994. С. 289.*

⁴ Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1: 1894–1904. М., 2011. С. 112.

⁵ ОР РНБ. Ф. 757. Д. 5. 1 сентября. В этом деле листы не пронумерованы, поэтому здесь и далее ссылки на него приводятся с указанием даты.

⁶ Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. С. 110.

⁷ *Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 193.* Это сообщение генеральши приводят И.В. Зимин, Б.Г. Лукичев и В.З. Клечиков, однако они не комментируют, насколько оно правдоподобно. См.: *Зимин И.В., Лукичев Б.Г., Клечиков В.З. Указ. соч. С. 103.*

⁸ Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. С. 115.

уже написала об этом в дневнике, уточнив, что у Александра III нефрит⁹, а Лейден как раз специалист по почечным заболеваниям, причем рекомендовали его тесть вел. кн. Константина Константиновича принц Мориц Саксен-Альтенбургский, а также германский посол в Петербурге Бернгард фон Вердер¹⁰. То есть диагноз государя и факт приезда к нему Лейдена Богданович указала правильно.

Официально о болезни царя было заявлено, как уже отмечалось, в «Правительственном вестнике» 17 сентября. В сообщении назывался диагноз — нефрит — и говорилось, что по рекомендации Захарьина и Лейдена император будет временно находиться в Ливадии, так как ему требуется «теплый климат»¹¹. Это сообщение уже само по себе свидетельствовало о том, что положение государя тяжелое (в противном случае не было бы никакой необходимости информировать общественность), а его лаконизм заставлял выискивать между строк что-то недосказанное. Именно так на публикацию «Правительственного вестника» в день ее выхода отреагировал Султанов. Он снова не скрыл волнения: «С запада (Спала, где на тот момент был царь, находилась на территории Царства Польского. – Д.А.) опять худые вести: пронеси, Господи, грозу!» Тревога сохранилась у архитектора и на следующий день: «С “юга” вести очень грустные!»¹². Между тем 18 сентября императорская семья только выехала из Спалы в Крым и добралась до Ливадии — на «юг», откуда докатывались «очень грустные» новости, — 21 сентября¹³. Возможно, в крымской резиденции у Султанова был свой информатор, который ожидал прибытия государя, уже зная о состоянии его здоровья.

22 сентября архитектор встречался с другом — художником П.В. Жуковским, сыном поэта В.А. Жуковского, работавшим вместе с Султановым над памятником Александру II (открытым в Московском Кремле в 1898 г.) и тоже весьма осведомленным человеком. Автор дневника теперь уже со слов друга зафиксировал, что «с юга» новости «очень тревожные»¹⁴. Не исключено, что это известие представляло собой впечатление ливадийского информатора от внешности императора, которого он увидел накануне. По свидетельству очевидцев, встречавших Александра III в Крыму 21 сентября, выглядел он чрезвычайно болезненно. Об этом, в частности, писал в своих вос-

---

⁹ Это соответствовало действительности. См.: *Зимин И.В., Лукичев Б.Г., Клечиков В.З.* Указ. соч. С. 106.

¹⁰ *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 193.

¹¹ *Правительственный вестник.* 17 сентября 1894.

¹² ОР РНБ. Ф. 757. Д. 5. 17, 18 сентября.

¹³ *Дневники императора Николая II (1894–1918).* Т. 1. С. 116.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 757. Д. 5. 22 сентября.

поминаниях В.Ф. Джунковский, бывший на тот момент адъютантом московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича и видевший государя на причале Ялты после его прибытия из Севастополя, откуда он шел морем на крейсере «Орел»¹⁵.

Предположение, что новость, сообщенная Султанову Жуковским, могла быть результатом чьего-то личного впечатления от внешнего вида прибывшего в Крым царя, имеет и косвенное подтверждение. Подобные кулуарные сведения из Ливадии обычно достигали столицы через сутки. Например, 23 сентября Султанов записал в дневнике, что «с юга» новости «лучше»¹⁶, а из дневника наследника известно, что днем раньше император был «бодрее» и даже ездил в коляске в Оранду¹⁷.

Естественно, новости об Александре III интересовали и беспокоили прежде всего из-за возможных последствий его болезни для функционирования власти. Эта проблема создавала благоприятную почву для разных домыслов, особенно на фоне самых худших предположений, которые сразу же стали казаться наиболее вероятными. А.А. Мосолов впоследствии вспоминал, что уже 22 сентября в Ялте дежурный генерал при государе П.А. Черевин намекал ему, в то время состоявшему для выполнения поручений при военном министре, на неблагоприятный исход болезни¹⁸. А Богданович в тот же день записала в дневнике, что царь «угасает», «развязка неминуема», а пока он жив, наследник будет в столице руководить некой «Верховной комиссией»¹⁹. Последняя версия абсолютно не соответствовала действительности: наследник тоже находился в Крыму, возложения на него каких-то чрезвычайных полномочий не предполагалось, и он по-прежнему не занимался государственными делами, тем более в первые дни пребывания в Ливадии²⁰.

Особой темой для пересудов в конце сентября стали непонятные для взгляда со стороны действия врачей, лечивших императора. По воспоминаниям лейб-хирурга Н.А. Вельяминова, вырисовывается следующая картина. Как уже отмечалось выше, Захарьин, осмотрев Александра III в Беловеже, в конце августа оставил пациента и уехал в Москву. С императором остались Гирш (с ним, по мнению мемуариста, «как с врачом» в семье государя «никто не считался»),

¹⁵ Джунковский В.Ф. Воспоминания (1865–1904). М., 2016. С. 320.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 757. Д. 5. 23 сентября.

¹⁷ Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. С. 116–117.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 4а. Л. 235.

¹⁹ Богданович А.В. Указ. соч. С. 193–194.

²⁰ Андреев Д.А. Император Николай II в первые месяцы царствования... С. 116–118; Он же. Было ли «политическое завещание» императора Александра III ... С. 97–114.

его воспринимали в качестве «старого преданного слуги» или даже «старой удобной мебели, к которой привыкли») и «ассистент» Захарьина П.М. Попов — «никому не известный», по словам Вельяминова. Но болезнь прогрессировала, поэтому в Спалу пришлось вызывать помимо Захарьина еще и Лейдена, при этом оба врача по-разному смотрели на перспективы болезни — первый пессимистически, а второй оптимистически (в дневнике наследника ничего не говорится о присутствии в Спале Захарьина и упоминается только о приезде туда Лейдена; возможно, Вельяминов ошибался, считая, что там одновременно находились оба доктора). Гирш же покинул Спалу из-за приступа подагры, но больше по причине «общего к нему недоверия». А затем оттуда уехали и Захарьин с Лейденом, оставив царя на попечении одного Попова, чувствовавшего себя неуверенно в «придворной обстановке». Обо всех этих переменах во врачебном окружении императора стало известно в обществе, которое и без того переполнялось «самыми разнообразными и нелепыми рассказами и небылицами» из-за отсутствия «официальных сведений», вплоть до предположений о злонамеренном отравлении Александра III, и тем более начало высказывать «удивление и негодование» по поводу того, что возле больного не осталось более «никого из авторитетных специалистов»²¹.

Иллюстрацией подобных панических настроений можно считать действия семьи Богдановичей. 26 сентября генеральша сообщила в дневнике, что ее муж обратился к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву с призывом каким-то образом «действовать», дабы исправить ситуацию, когда за государем следит один Попов, якобы даже «не выдержавший экзамена» на соответствующую медицинскую квалификацию²². По-видимому, обращение Богдановича повлияло на обер-прокурора. 28 сентября Победоносцев писал из Гурзуфа начальнику главного управления по делам печати МВД Е.М. Феоктистову, что в стране повсеместно «смущение» из-за неизвестности по поводу состояния здоровья императора, поэтому «следовало бы» помещать в печати сведения о его самочувствии. Обер-прокурор сетовал, что безуспешно пытается внушить эту мысль министру императорского двора гр. И.И. Воронцову-Дашкову. В результате такого неведения «могут бог знает что подумать», а между тем государь посещает церковные службы, навещает дочь, вел. кн. Ксению Александровну, в расположенном неподалеку от Ливадии ай-тодорском имении ее свекра, вел. кн. Михаила Николаевича, а также прогуливается и катается по окрестностям. Победоносцев

---

²¹ Вельяминов Н.А. Указ. соч. С. 291, 254.

²² Богданович А.В. Указ. соч. С. 194.

также сообщал Феоктистову, что врач Захарьин, которого он назвал «алчным и капризным», уехал из Ливадии, а при государе оставил Попова, «молодого прислужника своего», и этот факт «всех возмущает». Однако Захарьина вместе с Лейденом вызывают обратно в Ливадию²³.

Обер-прокурор в те дни не только жил неподалеку от Ливадии, но и виделся с членами императорской семьи²⁴. Поэтому он был в курсе довольно активного образа жизни государя сразу по приезде в Ливадию, знал о его поездке в Ореанду 22 сентября и визите в Ай-Тодор 25 сентября²⁵. Победоносцев в достаточной степени был в курсе и врачебных дел: информация о скором приезде в Ливадию Захарьина и Лейдена оказалась верной. По данным камер-фурьерского журнала, 2 октября в царскую резиденцию прибыли Лейден и Вельяминов, а 3 октября — Захарьин, а также Гирш²⁶. (Четверо этих врачей вместе с Поповым, остававшимся до начала октября с Александром III в качестве единственного доктора, впоследствии подписывали официальные бюллетени о состоянии императора).

Однако самым главным местом письма Победоносцева к Феоктистову следует считать то, где выражается недовольство бездействием Воронцова-Дашкова, который до сих пор не начал регулярно информировать общество о самочувствии государя и о том, что происходит вокруг него. Причем обер-прокурор не ограничился одним лишь сетованием по этому поводу. 4 октября он обратился из Гурзуфа к Воронцову-Дашкову в Ливадию с тревожным письмом. Констатируя, что по стране «ходят нелепые слухи», обер-прокурор подчеркнул, что в том имеется также «наша вина» — слабое и явно недостаточное информирование общества о происходящем в царской семье и вокруг нее. Победоносцев отмечал, что «злобные и лживые» сведения о невесте цесаревича Алисе Гессенской появляются в западной, немецкой и английской, печати и оттуда «переходят в болтовню русскую». Например, утверждается, что она не собирается переходить в православие и «меняет одного за другим законоучителя». «Давно бы печатать об ней известия», — заключал по этому поводу обер-прокурор, тем более что духовник императорской семьи, протопресвитер Иоанн Янышев, бывший у гессенской принцессы законоучителем, вынес о ней самое положительное впечатление.

---

²³ Письма К.П. Победоносцева к Е.М. Феоктистову / Вступительная статья Б. Горева, публикация и комментарии И. Айзенштока // Литературное наследство. 1935. Т. 22–24. С. 552–553.

²⁴ Например, с наследником, о чем тот 26 сентября оставил соответствующую запись в дневнике. См.: Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. С. 117.

²⁵ Там же.

²⁶ РГИА. Ф. 516. Оп. 53/2048. Д. 15. Л. 486 об.–487.

И хотя «высочайше нареченную невесту» в церкви поминают, но делается это без «общего распоряжения». Раньше подобные предписания определялись «государственными актами и манифестами», и обер-прокурор информировал своего корреспондента о намерении издать от имени Синода такой документ. «Бог знает что», удручался Победоносцев, говорят и о Николае Александровиче, и причиной тому снова неведение: «...народ — да и общество — не знает его»²⁷.

Что касалось информирования общества о наследнике и его невесте, то этот вопрос — даже в случае положительного решения — требовал особо тщательной проработки. Гораздо проще было наладить издание официальных сообщений о состоянии здоровья Александра III, тем более что прецедентом уже стала публикация в «Правительственном вестнике» 17 сентября. Поэтому можно предположить, что в том числе и с подачи обер-прокурора заключение консилиума от 4 октября, в котором констатировались отсутствие улучшения в протекании «болезни почек» и общее ослабление пациента, было на следующий день напечатано в «Правительственном вестнике»²⁸ и положило начало регулярному публичному распространению сведений о государе путем издания специальных бюллетеней.

Гораздо хуже обстояло дело с закономерно возникавшим у общества вопросом о том, чем занят наследник. И вот об этом действительно делались самые разные предположения. Например, начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа генерал-лейтенант Н.И. Бобриков поведал 4 октября Богданович, что якобы накануне царь принимал Победоносцева и поручил ему подготовить документ о временной передаче власти регенту, которым должен стать наследник²⁹. О возможности регентства Николая Александровича говорится и в пометке из записной книжки Воронцова-Дашкова, этот же слух зафиксировал в дневнике и Шереметев³⁰. «Нелепые слухи», бродившие по стране, достигали и Ливадии. Находившийся там сын министра императорского двора И.И. Воронцова-Дашкова Иван, бывший другом и ровесником наследника, записал 7 октября в дневнике распространившееся мнение о нежелании цесаревича жениться на принцессе Алисе Гессенской и об отказе последней принимать православие и приезжать в Россию³¹.

²⁷ ОР РГБ. Ф. 58. Раздел I. Картон 65. Д. 16/1. Л. 9–10.

²⁸ Правительственный вестник. 5 октября 1894.

²⁹ Богданович А.В. Указ. соч. С. 195. Факт аудиенции Победоносцева 3 октября не подтверждается в записях камер-фурьерского журнала за этот день. См.: РГИА. Ф. 516. Оп. 53/2048. Д. 15. Л. 486 об.–487.

³⁰ Андреев Д.А. Император Николай II в первые месяцы царствования... С. 117.

³¹ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 3740. Л. 4.

Тревога и недоумение возникли и среди министров. В письме к Воронцову-Дашкову от 10 октября глава военного ведомства П.С. Ванновский сетовал, что прибывший в тот день фельдъегерь не доставил ему от государя ни бумаг, ни высочайших приказов: «...а я думал, что его высочеству наследнику цесаревичу переданы текущие дела, останавливаем всю машину...» Ванновский жаловался на недостаточную информированность о состоянии здоровья Александра III и множившиеся из-за этого слухи. Военный министр сообщал адресату, что телеграфировал командующему Императорской главной квартирой О.Б. Рихтеру и просил его донести до министра императорского двора просьбу дважды в день присылать «официальные сведения». В противном случае их отсутствие «порождает ропот и допускает легкую фабрикацию ложных слухов, которые проникают в военную среду». Ванновский отмечал, что обратился также с просьбой к министру внутренних дел, чтобы его ведомство по своим каналам «сообщало полученные известия всем начальникам гарнизонов». Военный министр указывал на необходимость незамедлительно направлять в войска «официальные сведения», поступавшие из Ливадии. «Таким путем, — подчеркивал он, — можно бы в войсках водворить доверие к правительственным сообщениям и устранить распространение вздорных слухов». Правда, конкретно в тот день «обратная связь» с Ливадией состоялась даже еще до отправки этого письма: на полях его первой страницы имеется приписка, что адресант «вздыхнул свободнее», ознакомившись с официальным бюллетенем от 9 октября и с телеграммами императрицы, которые пришли в ответ на отправленные ей ранее телеграммы военного министра³².

По-видимому, Ванновский был не единственным из министров, кто пытался в те дни достучаться до Ливадии. Однако, вероятно, среди представителей высшей бюрократии были и такие, кто довольствовался слухами или даже сам участвовал в их распространении. К примеру, 16 октября Воронцов-Дашков прочитал Шереметеву письмо своего помощника на правах товарища министра императорского двора В.Б. Фредерикса, который информировал начальника «о тревожных и неточных слухах, распространяемых министрами»³³. От министров не отставали в этом отношении и некоторые лица из ближайшего окружения императора. 13 октября Богданович сообщила в дневнике, что обер-гофмаршал двора гр. П.К. Бенкендорф связывал болезнь государя с тем, что его кто-то отравил³⁴.

³² ОР РГБ. Ф. 58. Раздел I. Картон 13. Д. 11/1. Л. 11–12.

³³ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5041. Л. 24.

³⁴ Богданович А.В. Указ. соч. С. 195.

Автору настоящей статьи уже приходилось писать о том, что из-за ухудшавшегося состояния здоровья Александра III все решения в Ливадии принимались императрицей и министром императорского двора, причем отношения между ними были явно непростыми³⁵. Сохранился уникальный документ — записка Воронцова-Дашкова Марии Федоровне, написанная 9 октября, т.е. за день до встречи в Ливадии принцессы Алисы Гессенской. В этой записке министр императорского двора задавал государыне вопросы о том, какими должны быть церемониальные действия по прибытии невесты наследника. В записке после каждого вопроса между строк и на полях приводится ответ — карандашом и, очевидно, рукой царицы. «Диалог» ведется на французском языке. То есть несмотря на присутствие обоих в Ливадии, глава дворцового ведомства почему-то решил задать эти вопросы письменно. Правда, подобная манера общения может свидетельствовать не только о напряженных отношениях между ними, но и о том, что графу просто потребовались зафиксированные суждения императрицы по этим важнейшим вопросам придворного этикета. К тому же письменное обращение к Марии Федоровне вряд ли было вызвано ее труднодоступностью для одного из ключевых правительственных чиновников. Воронцов-Дашков и в те дни был вхож в императорскую семью: свою записку он начинал словами, что обращается к государыне, так как не хочет тревожить государя.

Первый вопрос Воронцова-Дашкова был о последовательности действий Алисы Гессенской сразу после ее прибытия в ливадийскую резиденцию. Министр спрашивал, отправится ли принцесса сразу в церковь, где протопресвитер Иоанн Янышев провозгласит ей приветственное многолетие. После первой половины вопроса — станет ли церковь первым местом, которое посетит невеста цесаревича, — написан ответ императрицы: «[Сначала] к нам (в императорские покои. — Д.А.), затем в церковь». А после упоминания о многолетии государыня односложно заметила: «Да».

Следующий вопрос касался мужской и женской частей свиты императрицы. Министр интересовался, где всем этим людям находиться при встрече Алисы Гессенской и где им ей представиться. Мария Федоровна ответила на него: «Да, в полном парадном облачении рядом с церковью».

Наконец, Воронцов-Дашков выяснял, не будет ли у государя какого-либо другого приказа ему по поводу возможных дел, не отмеченных в двух предыдущих вопросах. Мария Федоровна ответила за своего мужа, и написанное ею содержит важную информацию о

---

³⁵ Андреев Д.А. Император Николай II в первые месяцы царствования... С. 117–118.

состоянии здоровья Александра III на 9 октября: «Нет, он чувствует себя — благодарение Богу — лучше и хорошо провел этот день. Дай Бог теперь [провести] хорошую ночь и продолжение этого небольшого улучшения. Он полностью воспрянул и пребывает в отличном настроении»³⁶.

Приведенный документ наглядно показывает, как сложно и громоздко разбирались в Ливадии даже в общем-то технические вопросы. Неудивительно, что более сложные проблемы при невозможности первого лица участвовать в их рассмотрении не имели шансов стать решенными. Это видно хотя бы на примере нерешительности окружения Александра III ускорить переход прибывшей в Ливадию Алисы Гессенской в православие. Шереметев, находившийся в те дни в Крыму и регулярно посещавший царскую резиденцию, подробно осветил в дневнике разворачивавшуюся вокруг этого вопроса историю.

11 октября, на следующий же день после приезда невесты наследника, графу стало известно, что протопресвитер Иоанн Янышев «находит возможным» не торопиться с миропомазанием Алисы и отложить его до весны, несмотря на то что государь прямо высказал ему свое желание ускорить совершение этого таинства. Днем позже о. Иоанн уже лично пытался успокоить Шереметева по поводу миропомазания невесты наследника. Царский духовник «возбужденно» проговорил графу, взяв его за руки: «Будьте уверены, государь ясно и вполне сознает положение. Он обо всем подумал, будьте уверены». Еще через день, 13 октября, сам Воронцов-Дашков выразил сочувствие идее графа о необходимости скорейшего миропомазания Алисы и издания по этому поводу соответствующего манифеста, но сделал это вяло. Среди приближенных возникло даже намерение «уговорить» наследника «ускорить дело». Однако Шереметев выразил сомнение в успехе этого предприятия. По его словам, цесаревич «держит себя прекрасно», но вместе с тем «совершенно ступшевывается». Вел. кн. Сергей Александрович также не хотел говорить со своим державным братом о миропомазании Алисы, чтобы лишний раз его не беспокоить³⁷.

На этом фоне регулярный выпуск и обнародование бюллетеней уже можно было бы считать большим достижением. Однако эти бюллетени подчас не только не удовлетворяли запросы общества, но и усугубляли и без того тревожные настроения. Характерным примером восприятия и интерпретации бюллетеней явился опыт их прочтения Султановым, который фиксировал в дневнике свои эмоции, возникавшие в связи с поступающими из Ливадии сообщениями.

³⁶ ОР РГБ. Ф. 58. Раздел I. Картон 95. Д. 4. Л. 1–1 об.

³⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5041. Л. 13, 17, 20.

5 октября он выехал в поезде из Петербурга в Москву вместе с великими князьями Константином Константиновичем, Сергеем Александровичем, Павлом Александровичем, а также великой княгиней Елизаветой Федоровной и узнал от их свиты, что «вести плохие». А на следующий день о том, что «вести отчаянные», по телефону сообщил Султанову Жуковский. По дневнику невозможно понять, откуда у художника была такая информация³⁸. Для архитектора это был последний случай, когда он получил информацию о состоянии императора из живого общения. Далее, вплоть до кончины государя 20 октября, Султанов узнавал новости из Ливадии из официальных бюллетеней. На протяжении этих двух недель он находился то в Петербурге, то в Москве. В столице он специально ездил читать бюллетени к думской башне на Невском проспекте — вероятно, там они вывешивались раньше, чем в других местах. Где он знакомился с бюллетенями в Москве, в дневнике не сообщается, за исключением разве что записи от 6 октября. Тогда, приехав из Петербурга в Первопрестольную, Султанов прямо на вокзале прочитал известия, от которых, по его словам, «кровь застыла» и на основании которых он сделал вывод: «Несомненно — беда быстро надвигается»³⁹. Архитектор мог прийти к такому заключению на основании вечернего бюллетеня от 5 октября: «В состоянии здоровья государя императора замечается ухудшение: общая слабость и слабость сердца увеличились»⁴⁰.

Вызывает недоумение запись в дневнике Султанова от 7 октября: «Утренние бюллетени отнимают последнюю надежду»⁴¹. Архитектор имел в виду вечерний бюллетень от 6 октября, в котором не сообщалось ничего нового: «В состоянии здоровья государя императора перемены нет»⁴². Султанов мог иметь в виду только этот бюллетень, потому что именно он был следующим после вечернего бюллетеня от 5 октября: 7 октября в «Правительственном вестнике» были опубликованы сразу оба бюллетеня, а следующий датировался вечером 7 октября, в то время как автор дневника имел в виду информацию, прочитанную им утром того дня.

В таком случае возникает естественный вопрос: почему архитектор заговорил об исчезновении «последней надежды», если в бюллетене сообщалось об отсутствии каких-либо изменений в состоянии здоровья Александра III? Можно допустить, что Султанова заставила сделать предположение о скором уходе из жизни императора после-

---

³⁸ ОР РНБ. Ф. 757. Д. 5. 5, 6 октября.

³⁹ Там же. 6 октября.

⁴⁰ Правительственный вестник. 7 октября 1894.

⁴¹ ОР РНБ. Ф. 757. Д. 5. 7 октября.

⁴² Правительственный вестник. 7 октября 1894.

довательность подписей врачей, которые наблюдали больного. Все вышедшие бюллетени, от первого и до последнего, подписывались пятью врачами в одном и том же порядке: первым указывался Лейден, за ним шел Захарьин, потом — Гирш, Попов и Вельяминов. Однако о том, что «перемены нет», первым сообщал Захарьин, который дольше других медиков был знаком с историей болезни государя, а Лейден указывался вторым. Перемещение на первое место более осведомленного врача могло настораживать, а отсутствие указания на какую-либо динамику — неважно, отрицательную или положительную — подталкивало усмотреть в таком сообщении лишь паузу перед более серьезным заявлением.

Между тем указанная перестановка подписей, скорее всего, являлась обычной опечаткой: в черновике бюллетеня, подшитом в камер-фурьерский журнал, последовательность подписей была такой же, как и прежде — сначала Лейден, потом Захарьин⁴³.

Дневниковая запись от 8 октября выдержана уже в иной тональности: «Сегодняшний бюллетень, — отмечал Султанов, — как будто дает маленький луч надежды: все же конец не так еще скоро!»⁴⁴ Эта запись выглядит тем более странной, что она стала реакцией на бюллетень, в котором говорилось, что предыдущую ночь император «почти» не спал, а отек ног «несколько увеличился». Возможно, архитектора успокоило двойное акцентирование стабильности общего состояния — во-первых, сердечной деятельности, хотя и на фоне слабости, но не прогрессировавшей, во-вторых, отсутствие негативных изменений: «В общем, положение то же». Не исключено, что Султанова обнадежило возвращение Лейдена на первое место в перечне подписавших бюллетень⁴⁵.

Хотя допустима и другая версия: архитектора так воодушевил не вчерашний вечерний бюллетень, а бюллетень, выпущенный в девятом часу вечера 8 октября. Этот совсем свежий бюллетень действительно успокаивал. В нем сообщалось, что за минувший день Александр III «немного почивал», «состояние сил и сердечной деятельности» не изменилось, а отеки ног не увеличились⁴⁶. 8 октября Султанов был в Москве, а на следующий день уже в Петербурге, и он мог прочитать новый бюллетень на Николаевском вокзале перед посадкой в поезд.

Вообще в эти дни специальные поездки к местам оперативного размещения бюллетеней из Ливадии стали непременно пунктом

---

⁴³ РГИА. Ф. 516. Оп. 53/2048. Д. 15. Л. 490.

⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 757. Д. 5. 8 октября.

⁴⁵ Правительственный вестник. 8 октября 1894.

⁴⁶ Там же. 9 октября 1894.

распорядка дня архитектора. Так, например, 9 октября Султанов записал в дневнике, что «перед сном» вместе со своей женой Е.П. Летковой-Султановой специально ездил к думской башне, чтобы прочитать свежий вечерний бюллетень, но его не было — по-прежнему висел бюллетень суточной давности (тот самый, с которым он мог ознакомиться прошлым вечером на Николаевском вокзале в Москве), и супруги «несолоно хлебавши вернулись домой»⁴⁷. Не исключено, что такая проволочка с информированием столичных жителей была вызвана просто тем, что это был воскресный день.

Между тем в самой Ливадии вечером 9 октября бюллетень был подготовлен. В нем говорилось, что за время с субботнего вечера Александр III «спал немного больше», а самочувствие и аппетит стали у него «несколько лучше»⁴⁸. Этот бюллетень был расклеен в Петербурге либо поздним вечером в воскресенье, либо ночью или ранним утром в понедельник — Султанов узнал о нем дома, видимо, с чьих-то слов: «Проснулся радостно: — зафиксировал он в дневнике свое настроение, — в бюллетене светился крохотный луч надежды. Господи, сотвори чудо! Услышь мольбы России!»⁴⁹

Если не вдаваться в подробности протекания болезни Александра III, отталкиваясь от сообщений лиц, находившихся рядом с ним в Ливадии, а руководствоваться исключительно сухими строчками официальных бюллетеней, которые только и доходили до общества и, соответственно, формировали его настроения, то на предсмертной неделе у императора наступила ремиссия.

В понедельник у него несколько улучшился сон, но аппетит стал «несколько меньше»⁵⁰. Утром во вторник пришла информация, что к зафиксированной вчера клинической картине прибавилась неприятность: «несколько» возросла отечность ног, к вечеру были зафиксированы спазмы, правда, «легкие», зато улучшился аппетит⁵¹. В среду днем сонливость исчезла, а общее самочувствие и аппетит стали «лучше», хотя и «отек ног несколько увеличился»⁵². «Бюллетени стали получше, — с явным облегчением вздыхал в среду 12 октября в дневнике Султанов, — и на душе — посветлее; воскресла надежда»⁵³.

В четверг 13 октября, за неделю до кончины, ремиссия усилилась: сохранились вчерашние самочувствие и аппетит, не наблю-

---

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 757. Д. 5. 9 октября.

⁴⁸ Правительственный вестник. 11 октября 1894.

⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 757. Д. 5. 10 октября.

⁵⁰ Правительственный вестник. 11 октября 1894.

⁵¹ Там же. 12 октября 1894.

⁵² Там же. 13 октября 1894.

⁵³ ОР РНБ. Ф. 757. Д. 5. 12 октября.

далось сонливости и спазмов, не увеличивались отеки ног⁵⁴. На следующий день отечность «несколько» возросла, а также появилась «некоторая слабость», но сохранился хороший аппетит, спазмов и сонливости не наблюдалось⁵⁵. В субботу слабость исчезла, «отеки не увеличились», аппетит производил хорошее впечатление, и вообще самочувствие выглядело «лучше вчерашнего». В вечернем бюллетене неожиданно появился еще один пункт, не отмечавшийся в бюллетенях с 11 октября, — работа сердца. Причем этот пункт подавался тоже в положительном свете: «Деятельность сердца несколько удовлетворительнее»⁵⁶. Кстати, на этот раз в бюллетене, опубликованном в «Правительственном вестнике», тоже имелось некоторое непринципиальное расхождение с черновиком из камер-фурьерского журнала, в котором вместо «деятельности сердца» говорилось о «сердечной деятельности»⁵⁷. Замена не выглядит опечаткой, и вряд ли в редакции газеты могли пойти на такую редактуру без согласования с Ливадией. Поэтому не исключено, что сделанное исправление было призвано усилить общий благоприятный фон клинической картины путем подобной «субстантивации». Или же кто-то заметил ненужную двусмысленность, происходящую от возможных толкований прилагательного «сердечный». В воскресенье утренний и вечерний бюллетени свидетельствовали о сохранении прежней клинической картины, разве что аппетит был назван не «хорошим», как накануне, а «удовлетворительным»⁵⁸. «Бюллетени лучше — надежда крепнет», — комментировал Султанов 16 октября медицинские сводки последних дней⁵⁹.

В целом позитивный настрой сохранялся и в утреннем понедельничном бюллетене: в нем констатировалось наличие аппетита (но в то же время и сохранение отеков), сообщалось и о сокращении времени сна. А вот вечерний бюллетень представлял уже совершенно другую ситуацию: пропал аппетит, появилась слабость, и началось кровохарканье⁶⁰. Султанов отреагировал, назвав эти бюллетени «опять тревожными» и подчеркнув, что «нехорошие» известия пошли прямо «с утра»⁶¹. В последнем архитектор явно ошибся (наверное, от волнения): разница между утренним и вечерним бюллетенями была заметной.

---

⁵⁴ Правительственный вестник. 14 октября 1894.

⁵⁵ Там же. 15 октября 1894.

⁵⁶ Там же. 16 октября 1894.

⁵⁷ РГИА. Ф. 516. Оп. 53/2048. Д. 15. Л. 510.

⁵⁸ Правительственный вестник. 18 октября 1894.

⁵⁹ ОР РНБ. Ф. 757. Д. 5. 16 октября.

⁶⁰ Правительственный вестник. 18 октября 1894.

⁶¹ ОР РНБ. Ф. 757. Д. 5. 17 октября.

Утренний и вечерний бюллетени от 18 октября свидетельствовали о стремительном ухудшении состояния императора: он чувствовал «большую слабость», у него практически исчез аппетит, а отеки ног «значительно увеличились», кровохарканье усилилось, а дыхание стало затруднительным, из чего врачи сделали заключение о симптомах воспаления левого легкого, температура поднялась почти до 38 градусов, больного знобило, пульс упал. При этом кризис шел по нарастающей: вечерний бюллетень оставлял более тяжелое впечатление, нежели утренний. Однако именно утренний завершился словами: «Положение опасное», — а в вечернем просто перечислялись симптомы⁶².

В дневнике Султанова за этот день имеются две записи о новостях из Ливадии, и по ним можно судить о том, насколько оперативно вывешивались бюллетени. Первая запись: «Телеграмма очень тревожная! Помилуй, Господи!»⁶³ Можно предположить, что она была сделана после прочтения утреннего бюллетеня, в котором говорилось, что «положение опасное». Однако в данном случае архитектор имел в виду вчерашний вечерний бюллетень — тот самый, где впервые было сказано о кровохарканье. Видимо, накануне вечером Султанов по какой-то причине не смог поехать к думской башне, или же вечерний бюллетень, свидетельствовавший о резком ухудшении состояния Александра III, не решились вывесить сразу, а дотянули на всякий случай допоздна, и автор дневника смог ознакомиться с ним только утром на следующий день. Такой вывод можно сделать из следующей заметки архитектора за 18 октября. Он сообщил, что около пяти вечера ему принесли «последний бюллетень» с Невского проспекта, на который он отреагировал крайне экзальтированно: «Ужас! По-видимому — конец! Помилуй, Господи!»⁶⁴ Султанов имел в виду утренний бюллетень с фразой «положение опасное», потому что вечерний бюллетень был составлен только в десять вечера. Похоже, что в последние дни жизни Александра III информация о его состоянии обнаруживалась менее оперативно, чем прежде.

Следующая запись в дневнике датирована днем кончины государя — 20 октября: «...видел телеграмму, отнимающую почти последнюю надежду»⁶⁵. Султанов мог иметь в виду как вечерний бюллетень от 19 октября, в котором говорилось о «большой общей слабости», плохом аппетите, слабом пульсе, затрудненном дыхании и сохранении симптомов воспаления левого легкого (хотя в утреннем

---

⁶² Правительственный вестник. 19 октября 1894.

⁶³ ОР РНБ. Ф. 757. Д. 5. 18 октября.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. 20 октября.

бюллетене отмечалось уменьшение кровохарканья)⁶⁶, так и какой-то из двух последних бюллетеней от 20 октября. В первом бюллетене, отражавшем картину на 9 часов утра, указывалось на бессонную ночь, затрудненное дыхание, слабеющее сердцебиение, и делался вывод: «Положение крайне опасно». Во втором бюллетене, составленном через два с половиной часа, отмечались дальнейшее ослабление сердечной деятельности и усиление одышки. Этот бюллетень, которому суждено было стать последним, заканчивался явным намеком на скорую кончину: «Сознание полное»⁶⁷. И хотя этот факт объективно соответствовал действительности, он, несомненно, должен был сыграть и определенную пропагандистскую роль, как и посланная утром из Ливадии телеграмма Воронцова-Дашкова о причащении в 10 часов императора, который находился «в полном сознании»⁶⁸. Как отметил в своем дневнике в тот же день гр. В.Н. Ламздорф, бывший на тот момент директором канцелярии и помощником министра иностранных дел Н.К. Гирса, со ссылкой на слова очевидца — сотрудника министерства П.Л. Вакселя, — полицейские вручную раздавали на улицах Петербурга этот бюллетень Воронцова-Дашкова, а «весть о смерти распространилась уже после этого»⁶⁹.

20 октября Султанов находился в Москве, и в дневниковой записи за этот день он сообщал, что «народная молва разносит ужасную весть», между тем «официального ничего нет». Это «официальное» специфическим образом дошло до архитектора только в ночь на 21 октября. «В три часа ночи, — говорится в его заметке, датированной этим днем, — меня разбудил протяжный и унылый перезвон. Я понял, в чем дело, и безраздельное, незнакомое мне горе охватило меня!»⁷⁰ Это сообщение выглядит крайне странным: если Петербург узнал о смерти Александра III во второй половине дня 20 октября, то Первопрестольная не могла получить это известие несколькими часами позже и, соответственно, начать звонить по почившему императору. Наверняка в Москве печальное известие было получено примерно в то же время, что и в столице. По-видимому, и звон, который услышал Султанов, был уже не первым. Остается только гадать, почему архитектор на несколько часов выпал из жизни города и страны.

Чем явственнее становился исход болезни императора, тем более неожиданными оказывались прогнозы о том, как будет осуществлено престолонаследие. Причем распространителями несуразных версий

---

⁶⁶ Правительственный вестник. 20 октября 1894.

⁶⁷ Там же. 21 октября 1894.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 75.

⁷⁰ ОР РНБ. Ф. 757. Д. 5. 20, 21 октября.

становились подчас и весьма высокопоставленные лица. Ламздорф в своем дневнике 20 октября зафиксировал, что во второй половине этого дня, но еще до получения известия из Ливадии о смерти Александра III товарищ министра иностранных дел Н.П. Шишкин во всеуслышание говорил в ведомстве «о каком-то движении, которое будто бы готовится в войсках», которые намерены принести присягу «скорее» брату императора — вел. кн. Владимиру Александровичу, нежели «столь малоизвестному» наследнику. Причем сын Шишкина, морской офицер, отмечал наличие «подобных же настроений» в Кронштадте «среди его товарищей». И уже от себя Шишкин комментировал такой слух, допуская, что, возможно, кронштадтские офицеры предполагают поддержать другого брата государя — вел. кн. Алексея Александровича⁷¹.

Если такое позволяли себе высокопоставленные лица, то что говорить о явных недоброжелателях. В пропагандистской брошюре, изданной в Петрограде в 1918 г., приводилась небывлица о том, что перед смертью Александра III якобы был составлен план передать престол не законному наследнику, который был «безбожником, свободомыслящим, безнравственным и пренебрегающим и делом жизни своего отца», а его «малолетнему» брату Георгию при регентстве его матери, Марии Федоровны, причем больше всех ратовал за такой план Победоносцев. Однако в итоге уже в Ливадии императрица «помирила отца с сыном». Николай и Мария Федоровна «долгое время» провели у одра умиравшего императора. «О чем шла речь, осталось неизвестным, кроме факта, что Александр III примирился с сыном лишь под условием, что тот даст клятву во внутренней и внешней политике пребывать верным традициям отца»⁷². Странно считать «малолетним» и нуждавшимся в регенте вел. кн. Георгия Александровича, которому в октябре 1894 г. было полных 23 года. И если составители этого издания допустили столь очевидную оплошность, то их остальные домыслы тем более не следует воспринимать серьезно.

А вот другая проблема, связанная с болезнью и смертью Александра III, заслуживает рассмотрения по двум причинам. Во-первых, как во многом порожденная слухами, окружавшими кончину императора и восшествие на престол его сына. Во-вторых, из-за некоторых обстоятельств, которые могут быть истолкованы либо как косвенное подтверждение правильности каких-то из этих слухов, либо по причине того, что даже в самой семье покойного государя поверили в то, что разносила молва. Это проблема гипотетического «политического

---

⁷¹ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С. 75.

⁷² Последний царь. Конец Романовых. История революционного движения в России по неопубликованным немецким источникам. Пг., 1918. С. 27.

завещания» Александра III наследнику Николаю Александровичу. На эту тему автором настоящей статьи написана работа, в которой доказывается, что на настоящий момент нет сколько-либо надежных доказательств того, что такое завещание могло быть составлено и высказано старшему сыну, во всяком случае, в Ливадии, в последний месяц жизни царя⁷³.

Однако буквально сразу после восшествия на престол Николая II стали толковать о некоем послании, оставленном Александром III старшему сыну. Так, А.А. Савельев, бывший на момент описываемых им событий председателем Нижегородской уездной земской управы и кандидатом в предводители дворянства Нижегородского уезда, участвовавший в этом качестве в похоронах скончавшегося императора и пробывший в столице несколько дней в ноябре 1894 г., сохранил в воспоминаниях один любопытный факт. По его словам, в те дни в Петербурге рассказывали, будто Александр III запечатал пакет, который велел раскрыть по прошествии не менее полутора месяцев после его смерти. Содержание этого пакета никому не было известно. Об этом говорил, в частности, Д.Б. Нейдгардт, «сослуживец» по Преображенскому полку молодого государя в бытность его наследником. До Савельева доходил и другой слух, что покойный царь еще при жизни написал манифест о вступлении старшего сына Николая на престол⁷⁴.

Но если сообщения Савельева выглядели именно как слухи, то информация, сохранившаяся в дневнике сестры Николая II, вел. кн. Ксении Александровны, непохожа на слух и заслуживает серьезного отношения. В ее дневнике дважды — в записях за 6 ноября 1894 г. и 16 января 1895 г. — сообщается о попытках уже вдовствующей императрицы Марии Федоровны вскрыть запечатанные секции письменного стола в кабинете Александра III в Аничковом дворце. Первый раз это было накануне похорон государя, которые состоялись 7 ноября. Великая княгиня, описывая события того дня, упомянула слесаря: он, судя по контексту, был вызван к вдовствующей императрице. У Марии Федоровны не получалось «найти подходящий ключ» от письменного стола покойного императора. Она, по словам дочери, рассчитывала в этом столе «найти какие-нибудь бумаги» или иные предметы, которые проливали бы свет на «желания» скончавшегося царя. По-видимому, слесарь и был вызван для того, чтобы вскрыть

---

⁷³ Андреев Д.А. Было ли «политическое завещание» императора Александра III... С. 97–114.

⁷⁴ Савельев А.А. Два восшествия на престол русских царей. (Из воспоминаний земского деятеля) // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1917. № 4. Апрель. С. 98–100.

запертые замки. Но похоже, что за один раз все замки слесарю отпереть не удалось. По свидетельству Ксении, 16 января Мария Федоровна снова попыталась «открыть какой-то ящик» в кабинете Александра III, но не сумела найти «подходящий ключ»⁷⁵. Обращает на себя внимание то, что обе попытки вдовствующая императрица предпринимала накануне особо значимых событий. Первый раз — перед похоронами мужа, а второй — за день до программного выступления сына в Зимнем дворце.

Таким образом, нельзя полностью исключать возможность того, что Александр III оставил какие-то распоряжения на случай своей смерти и что члены его семьи — как минимум Мария Федоровна — что-то об этом знали или о чем-то догадывались. Вместе с тем на сегодняшний день об этом можно лишь строить предположения, складывая разрозненные факты в некую целостную картину.

References

Andreev D.A. *Bylo li “politicheskoye zaveshchaniye” imperatora Aleksandra III nasledniku tsesarevichu Nikolayu Aleksandrovichu? K postanovke problemy* [Did the “Political Testament” of Emperor Alexander III to Heir Tsesarevich Nikolai Alexandrovich Exist? Raising the Problem] // *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istorii. Istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. 2019. Vol. 89. P. 97–114.

Andreev D.A. *Imperator Nikolay II v pervyye mesyatsy tsarstvovaniya: vneshniye vliyaniya i samostoyatel'nyye resheniya* [Emperor Nicholas II during the First Months of His Reign: External Influences and Independent Decisions] // *Rossiyskaya istoriya*. 2011. № 4. P. 114–125.

Bokhanov A.N. *Imperator Aleksandr III* [Emperor Alexander III]. Moscow: Russkoe slovo, 1998. 512 p.

Khrustalyov V.M. *Tayny na krovi. Triumf i tragedii Doma Romanovykh* [Mysteries on Blood. Triumph and Tragedies of the House of Romanovs]. Moscow: AST, 2014. 481 p.

Meditsina i imperatorskaya vlast' v Rossii. Zdorov'ye imperatorskoy sem'i i meditsinskoye obespecheniye pervykh lits Rossii v XIX – nachale XX veka [Medicine and Imperial Power in Russia. The Health of the Imperial Family and the Medical Care of Russian Dignitaries in the 19th – Early 20th Centuries] / Ed. by G.G. Onishchenko. Moscow: MediaPress, 2008. 328 p.

Zimin I.V., Lukichev B.G., Klechikov V.Z. *Istoriya bolezni i smerti imperatora Aleksandra III* [The History of Disease and Death of Emperor Alexander III] // *Nefrologiya*. 2002. Vol. 6. № 1. P. 101–107.

Поступила в редакцию
14 марта 2020 г.

---

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 7. Л. 139, 176.